

Леонид Искра

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века: монография / А. Ю. Минаков. — Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2011. — 560 с.

На протяжении более чем полтора столетия в отечественной историографии господствовало представление о консерваторах как о реакционерах. В силу этого история консерватизма была неактуальна для советской историографии. Однако необходимость изучения широкого спектра политической жизни страны диктовалось самим развитием исторической науки. Снятие идеологических запретов и наличие солидного потенциала у отечественной исторической науки и публицистики способствовали проведению серьезных, обстоятельных исследований.

Повышенный интерес к теме, которая стала не только научно значимой, но и модной, породил обилие литературы, которая за последнее двадцатилетие разрослась до гигантских размеров. Можно констатировать, что история русского классического консерватизма второй половины XIX — начала XX века изучена довольно хорошо, хотя и не все лакуны закрыты. Слабее, но все же сравнительно основательно исследован славянофильский консерватизм 40-х — первой половины 50-х годов XIX века. Наименее изучен ранний консерватизм. Именно этой проблеме посвящена монография А. Ю. Минакова.

По мнению Минакова, ранний консерватизм приходится на первую четверть XIX века. В отечественной историографии широко распространена точка зрения, согласно которой консерватизм — это реакция крепостников на Просвещение и Великую французскую революцию. Полагаем, что это неполное и не совсем верное определение. К тому же его сторонники не допускают мысли о том, что охранители могут быть хоть в чем-то правы. В этой связи заслугой Минакова является рассмотрение проблемы непредвзято и всесторонне. Русский консерватизм в период возникновения, пишет ученый, «представлял собой реакцию на радикальную вестернизацию, проявлениями и главным символом ко-

торой в XVIII — начале XIX вв. стали реформы Петра I, либерализм Александра I... проекты преобразований М. М. Сперанского, галломания русского дворянства, наполеоновская агрессия против Российской империи, Тильзитский мир 1907 г., Отечественная война 1812 г., а также послевоенная политика создания экуменического евангельского государства, приведшая к понижению статуса православной церкви как государственной» [1, с. 59–60].

Долгие годы прогрессивными у нас считались те проникавшие с Запада идеи, которые были направлены на разрушение монархических, социально-экономических и религиозных устоев страны. Те же, кто им противодействовал, объявлялись врагами прогресса. При этом не учитывалось, что формально-прогрессивные преобразования недопустимы, если для их осуществления в стране нет объективных условий. Так, необходимость существования самодержавия в России того времени была очевидной, и попытка изменить политический режим окончилась бы катастрофой. Сложнее было с крепостничеством. Дальновидные политики считали его злом. Но решать взрывоопасную проблему в условиях постоянных войн нельзя. Угроза России не ограничивалась одним проявлением вроде антимонархизма, а была многолика и всеобъемлюща. Заслугой Минакова является то, что он показал, описал и удачно назвал это явление радикальной вестернизацией.

Что же касается влияния западных консерваторов на русских, то Минаков его признает, но обоснованно считает небольшим. Указывая на то, что консерватизм не является универсальной идейной системой, ученый отмечает, что в русском консерватизме имелось магистральное направление, которое сформировалось под влиянием основных факторов русской истории. Прежде всего это православие, влияющее на все стороны общественной жизни — от быта до политики. «Огромную роль также играла идея мощного, централизован-

ного иерархического государства... Наконец, большую роль в формировании русского консерватизма сыграло сознательное неприятие определенных западноевропейских политических и культурно-религиозных традиций: конституционализма, парламентаризма, республиканизма, реформаторских религиозных течений, разрушительных для церковной ортодоксии». [1, с. 61].

Резюмируя вышесказанное, Минаков пишет: «Главным течением в русском консерватизме изначально было то, для которого приоритетными ценностями выступали православие, сильное централизованное государство, русский национализм. Наиболее развитые классические формы русского дореволюционного консерватизма, в целом, являлись своего рода развернутым обоснованием формулы «православие — самодержавие — народность» [1, с. 61].

Проследивая зарождение различных течений в консерватизме, Минаков отмечает, что первые из них были мало связаны с православной церковью и свою цель видели в борьбе с галломанией и защите традиционных устоев. В нашей литературе значение борьбы с галломанией явно недооценивалось, а саму галломанию сводили к предпочтению французского языка, французского быта и манер. Между тем, галломания не только могла духовно ослабить дворянство накануне наполеоновского нашествия, но и вело их к утрате национальной самоидентификации, к потере духовных связей со страной и народом. Поскольку же дворянство осталось бы господствующим сословием, постольку Россия превратилась бы в политическую химеру. В этой связи обстоятельное освещение Минаковым проблемы «русские консерваторы против галломании» является ценным вкладом в историческую науку.

На политическую арену консерваторы, не приняв либерального курса Александра I, выступили как оппозиционеры. Вследствие этого они не допускались на высокие государственные посты, а А. С. Шишков и Ф. В. Ростопчин попали в опалу. Отмечая особенность русского консерватизма, Минаков совершенно обоснованно писал, что она «заключалась в беспрекословной ориентации на верховную власть, использование ее политических и административных рычагов, а не создание собственной политической организации. Выполнение своих программных требований консерваторы переадресовывали монарху» [1, с.454]. К сказанному следует добавить то, что даже когда в начале XX в. у консерваторов появились свои политические партии, они

продолжали возлагать надежду на царскую инициативу. В результате крах потерпели и консерватизм, и монархия.

Второй этап зарождения консерватизма Минаков начинает с Тильзитского мира 1807 г. и доводит его до Отечественной войны 1812 г. Поражения от Наполеона I, позорный, по мнению общественности, Тильзитский мир, вызвал взрыв национализма и антифранцузских настроений. Многие бывшие поклонники просветительской литературы, указывает автор монографии, превратились в отчаянных консерваторов и убежденных националистов. В результате консерваторы получили широкую поддержку в обществе вместе с другими дворянскими группировками и вынудили царя отказаться от либерального курса и уволить его главного вдохновителя М. М. Сперанского.

В 1807 г. в общественном сознании, в донесениях иностранных дипломатов закрепилось мнение о возникновении «русской партии». И именно эта состоящая из консерваторов «партия» способствовала духовной мобилизации русского общества накануне наполеоновского нашествия. В монографии убедительно показано, что национально-патриотические воззрения, страстными пропагандистами которых были А. С. Шишков, Ф. В. Ростопчин, С. Н. Глинка и др., отвечали жизненным интересам России и помогали в борьбе за национальную самостоятельность. В результате ситуация стала складываться в пользу консерваторов. Это проявилось и в служебном росте. Так, А. С. Шишков стал государственным секретарем, а Ф. В. Ростопчин — генерал-губернатором Москвы. Друг и единомышленник Н. М. Карамзина И. И. Дмитриев стал министром юстиции, а в управление военными делами вступил А. А. Аракчеев.

Русский консерватизм имел ряд центров. Деятельность каждого из них была обстоятельно освещена автором монографии. Одним из центров была «Беседа любителей русского слова». О «Беседе» писали неоднократно. При этом основное внимание уделялось полемике архаистов «Беседы» со сторонниками «нового слога». Минаков сумел глубже взглянуть на проблему. «Дискуссия о «старом и новом слоге»... привела к попытке конструирования консервативно-национальной традиции не только в сфере языка, но и в сфере культуры в целом, началась разработка определенной версии русской истории». [1, с. 450–451]. «Беседа», — писал далее ученый, — сыграла важную политическую роль, обеспечив идеологическую победу консерваторов над пред-

ставителями правительственного либерализма в канун войны» [1, с.139].

Проанализировав взлеты и падения ранних консерваторов, Минаков пришел к обоснованному выводу, согласно которому звездный час «русской партии» наступил в 1812–1814 гг. Именно в это время консерваторы были особенно востребованы, и они на деле доказали свою необходимость. 1812 год, пишет Минаков, сыграл огромную роль в становлении консерватизма. В советской историографии, отмечает ученый, принято считать, что декабризм был порожден Отечественной войной 1812 года, но то же самое можно сказать и о консерваторах. Им была предоставлена беспрецедентная возможность для озвучивания своих идей, и они ее реализовали. Так, Шишков стал главным идеологом и пропагандистом Отечественной войны 1812 г.; а Ростопчин — афишами, Глинка — статьями в «Русском вестнике» — поднимали боевой дух народа. Выдающимся военным организатором оказался А. А. Аракчеев.

Подводя итог, Минаков делает вывод, согласно которому 1812 год стал решающим в становлении консерватизма. Последний имел различные течения, но стержневым стало то, которое имело галлофобскую направленность. Будучи ранее «маргинальным» течением, оно оказалось максимально востребованным накануне Отечественной войны 1812 г. и поэтому смогло вытеснить «те идеологические представления, которые были характерны для просвещенного абсолютизма и александровского либерализма» [1, с. 453].

Однако после победы над Наполеоном национализм перестал быть востребован на государственном уровне, «началась эпоха Священного Союза и религиозно-мистических экспериментов, окрашенная в космополитические тона» [1, с.189].

Завершающий этап становления русского консерватизма Минаков относит к 1815–1825 гг. Особое внимание он совершенно обоснованно уделил «православной партии». Победа в войне не сняла все вопросы и вряд ли продуктивно упрекать самодержавие, равно как и другие европейские монархии, в стремлении во имя собственной безопасности не допустить повторения революции. Противовес просветительским и революционным идеям виделся в христианстве. Однако западнически ориентированные царь и его приближенные духовную опору видели не в православии, а державное могущество — не в национальной России, а в курсе «на создание «общехристи-

анского» или евангельского государства, идеологической основой которого был экуменический вариант христианства и протестантский мистицизм» [1, с. 211]. На наш взгляд, даже революционные идеи не были столь опасны для России, нежели попытка вытеснить русские духовные основы на второстепенные позиции.

Остановившись на проблеме церковного консерватизма, Минаков указал, что православие в воззрениях консерваторов приобретает характер идеологии, противостоящей экуменизму, мистицизму, масонству. «Представляется, что именно система православных ценностей оказала существенное воздействие на формирование русского консерватизма, блокировав процесс рецепции иноконфессиональных консервативных западных доктрин. С 1824 г. монархическая власть более не ставила под сомнение статус православия как господствующей религии, а русский консерватизм отныне базировался исключительно на православии» [1, с. 455].

Соглашаясь практически со всем вышеизложенным, мы позволили себе обратить внимание на отдельные спорные вопросы. Отстояв положение православия как господствующей религии, ее ревнители не стали добиваться самостоятельности церкви, примирившись с ее зависимостью от государства. Советью для самодержавной монархии, церковь, как того хотел Карамзин, так и не стала. Возросло внимание к обрядовой стороне, ужесточилась церковная цензура, и, например, в социальной сфере церковь послушно следовала за правительственным курсом. Подлинным же позором для самодержавия и господствующей церкви было пребывание миллионов православных крестьян в крепостной зависимости у польских помещиков-католиков — злейших врагов России. Безучастными к сложившейся ситуации оказались и ранние консерваторы. Отчасти это можно объяснить тем, что последние считали ликвидацию крепостного права несвоевременной мерой. Заметим, что автор монографии, сравнив воззрения на крестьянский вопрос правительственных кругов и консерваторов, совершенно верно охарактеризовал последних как более умеренных и примитивных.

В заключении, подводя итог, подчеркнем, что монография А. Ю. Минакова представляет собой фундаментальное исследование, вносящее заметный вклад не только в изучение раннего консерватизма, но и истории внутренней политики, а также истории общественно-политического движения и общественно-политической мысли России.